

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Обосновывается утверждение о том, что реализация функций социальной работы должна иметь своим аттрактором воплощение принципа социальной справедливости. На основании критического анализа концепций социальной справедливости делается вывод о том, что социальная справедливость выступает одним из главных интегрирующих элементов социума, охватывающим его нравственные и правовые аспекты и состоящим в аксиологическом осмыслении социально-политических, экономических и идеологических отношений социальных субъектов, основывающимся на социокультурной традиции.

Ключевые слова: социальная работа, социальная деятельность, социальная помощь, справедливость, социальная справедливость, аттрактор, социальное равенство, социальные отношения.

PRINCIPLE OF JUSTICE
AS AN AXIOLOGICAL PRIORITY OF SOCIAL WORK

It is argued that the implementation of the functions of social work should have the purpose of social justice. A critical analysis of concepts of social justice is presented followed by the conclusion that social justice is one of the main integrating elements of social work. Social justice covers moral and law aspects of the life of a society involving its moral law aspects and axiological interpretation of social, political, economic and ideological relations of social subjects based on a social-cultural tradition.

Keywords: social work, social activity, social aid, validity, social justice, attractor, social equality, social relations.

В рамках синергетической парадигмы программу функционирования социальной работы в некоторых рамках, позволяющей ей следовать к своей цели, называют аттрактором. Мы считаем, что реализация функций социальной работы имеет своим аттрактором воплощение принципа социальной справедливости. При рассмотрении телеологических оснований социальной работы представляется целесообразной их дифференциация с подобными основаниями науки о социальной работе. Значение философии в этом виде обоснования социальной работы трудно переоценить, что определяется как самой природой философского знания, выполняющего важнейшие методологически-интегративные функции, так и сложностью самого предмета обоснования — системы социальной работы общества. Многогранность и сложность социальной работы определяют необходимость междисциплинарного подхода к его обоснованию. Оно выступает объектом исследования и соответствующего обоснования различных наук: юриспруденции, социологии, политологии, психологии, философии и др. Философия занимает в этой системе наук одно из важнейших мест, поскольку является общетеоретической основой этой системы, обеспечивающей саму возможность осуществления междисциплинарного подхода к изучению и обоснованию феномена социальной ра-

боты. В соответствии с этим аттрактором науки о социальной работе будет выступать философское осмысление закономерностей развития общества и принципов его научного познания.

Следует отметить, что отношение к принципу справедливости в современной российской философской литературе неоднозначно.

Для научно обоснованного разрешения данного вопроса представляется необходимым раскрыть само содержание понятия «справедливость», выяснить особенности его конкретизации в понятии «социальная справедливость» и соотнести данное понятие с телеологическими установками социальной работы.

Понятийно-категориальное телеологическое обоснование социальных действий доминировало в период античности. Древние греки выделяли четыре главных понятия, служащих обоснованием правильности многообразных видов социальной деятельности, в том числе и тех, которые впоследствии вошли в состав системы социальной работы. Этими понятиями явились: дике (справедливость), фемис (обычай), тиме (честь) и номос (закон). Главным из них считалась справедливость, трактуемая как объективное основание и критерий правильности социальных действий.

В самом общем значении понятие «справедливость» предполагает опреде-

ленное соответствие между трудом и вознаграждением за него, преступлением и наказанием, заслугами людей и их признанием обществом. В истории философии проблема справедливости имеет давнюю традицию, которая нашла свое выражение в трудах Платона и Аристотеля, идеологов раннего христианства, социалистов-утопистов (Кампанелла, Т. Мор), просветителей (Руссо), а также Канта, Гегеля, Маркса, Дж. Ст. Милля и многих других выдающихся мыслителей.

Что же понималось под справедливостью в эпоху античности?

Платон выделял три значения понятия «справедливость»: 1) занятие каждого своим делом; 2) обладание каждым своим и отказ от захвата чужого; 3) существование в обществе надлежащей меры, то есть определенного равенства [10, с. 252–262].

Аристотель, изучая вопрос о социальной справедливости и ее соотношении с политикой, писал: «Если конечной целью всех наук и искусств является благо, то высшее благо есть преимущественная цель самой главной из всех наук и искусств, именно политики. Государственным благом является справедливость, т. е. то, что служит общей пользе» [1, с. 467].

Аристотель считал справедливость законным и равномерным отношением к людям. Политическая справедливость выступает основой права, которое, в свою очередь, служит обоснованием закона. Несправедливость закона заключается, по его мнению, в отходе от политической формы власти к деспотической, то есть во властвовании вопреки праву [8, с. 67].

Какой же смысл вкладывается в понятие «социальная справедливость»? Существуют различные трактовки социальной справедливости: справедливость как равенство перед законом; как возможность принятия участия в решении судеб своей страны на всех уровнях властной иерархии; справедливость возможностей; международная

справедливость; справедливость по отношению к предкам, к природе, справедливость как отсутствие дискриминации по половому, расовому или этническому признакам и т. п.

В понимании социальной справедливости, особенно на обыденном уровне осмысления, часто присутствует ее отождествление с понятием «социальное равенство». Данные понятия близки, но не тождественны друг другу. Понятия «социальная справедливость (несправедливость)» и «социальное равенство (неравенство)» представляют собой оценки качества существующих общественных отношений, охватывающих экономические, политические, идеологические, семейные, нравственные и прочие аспекты жизнедеятельности социума.

Понятие «социальная справедливость» по своему содержанию много шире понятия «социальное равенство». Социальное равенство (неравенство) представляет собой лишь один из аспектов оценки социальных действий по степени их справедливости (несправедливости).

Понятие социального равенства включает в себя три главных аспекта.

1. **Юридическое равенство** социальных субъектов перед законом.

2. **Материальное равенство**, представляющее собой самый спорный аспект понятия социального равенства. Полное материальное равенство не существовало ни в одной социальной системе в истории человечества. Более того, его буквальная реализация не соответствует принципу социальной справедливости, поскольку уравнивает людей, по-разному относящихся к труду (труженика и бездельника). Очевидно, что реализация принципа материального равенства в рамках понимания социальной справедливости возможна лишь в его соответствии количеству и качеству трудового вклада индивида в жизнь социума, что предполагает соот-

ветствующую дифференциацию доходов и уровня жизни.

3. **Политическое равенство**, предполагающее наличие реальных и сопоставимых между собой возможностей социальных субъектов оказывать влияние на разработку и реализацию государственной политики (в том числе и социальной), право индивидов избирать и быть избранными в органы государственной власти, право отзыва дискредитировавших себя представителей законодательной и исполнительной власти.

Указанные три важнейших аспекта понимания социального равенства выступают определенными условиями реализации принципа социальной справедливости. Но если первый и третий аспекты непосредственно связаны с пониманием социальной справедливости, то второй аспект не коррелируется с ним в полном объеме — он предстает лишь в виде требования соответствия материальных условий существования социального субъекта количеству и качеству его вклада в жизнь социума. Поэтому социальная справедливость может предполагать отношения социального неравенства в материальном аспекте его интерпретации, но лишь в рамках соответствующих социально обусловленных границ их реализации.

Понятия «социальное равенство» и «социальная справедливость» являются важными качественными характеристиками социальной деятельности, но они отражают разнопорядковые ее свойства. Так, понятие «социальное равенство» фиксирует характер существующего общественного положения взаимодействующих социальных субъектов, а понятие «социальная справедливость» раскрывает отношение этого взаимодействия к социальному прогрессу. Социальная справедливость выступает определенной мерой равенства и неравенства, являющегося общественно допустимым и достаточным для осуществления социаль-

ного прогресса на соответствующем этапе человеческой истории.

В философском энциклопедическом словаре справедливость определяется как «понятие о должном, соответствующее определениям о сущности человека и его неотъемлемых правах... Понятие справедливости содержит в себе требования соответствия между практической ролью различных индивидов (социальных групп) в жизни общества и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, заслугами людей и их общественным признанием. Несоответствие в этих соотношениях оценивается как несправедливость» [17, с. 622]. Как видно из данного определения, категория справедливости является и этической, и правовой, и социально-политической.

Особым видом справедливости является социальная справедливость, субъектами которой выступают большие социальные группы, общество в целом, человечество. «Социальная справедливость — это система общественных институтов, которая не в единичных действиях, а по самой своей структуре постоянно обеспечивает удовлетворяющее, по меньшей мере, большинство членов общества распределение политических, юридических, экономических и других прав и материальных ценностей» [5, с. 232].

В философской литературе представлены различные концепции социальной справедливости. В рамках задач нашего исследования наибольший интерес представляют следующие концепции, построенные на интерпретации соотношения справедливости, свободы, равенства и неравенства.

1. **Уравнительная концепция**, исходящая из близости или тождества, понятий справедливости и равенства. Критерием уравнительной справедливости является арифметическое равенство. Данный вид

справедливости применяется в области гражданско-правовых сделок, возмещения ущерба, наказания и т. д.

2. **Распределительная концепция**, исходящая из того, что социальная справедливость как принцип означает деление общественных благ пропорционально вкладу того или иного члена общества. Подобный подход предполагает возможность как равного, так и неравного наделения соответствующими социальными благами и льготами.

3. **Либеральная концепция**, основанная на возможности сбалансировать свободу и равенство, сделать их опорой друг друга в рамках целостной системы социальной справедливости. Наиболее известным представителем этой концепции является современный американский философ Дж. Роулз, автор исследования «Теория справедливости». Важной методологической установкой, лежащей в основе теории социальной справедливости Дж. Роулза, является рассмотрение справедливости как разновидности честности. Он вводит понятие «правильность» в качестве определенного свода правил, которые должны честно выполняться принявшими их сторонами.

В концепции Дж. Роулза определение социальной справедливости базируется на двух принципах: 1) каждый человек должен обладать равным с остальными людьми правом в сфере системы важнейших социальных свобод; 2) социальное и экономическое равенство должно быть организовано таким образом, чтобы, «во-первых, от него можно было бы ожидать преимуществ для всех членов общества и, во-вторых, доступ к положениям и должностям был открыт всем» [5, с. 341].

Координацию механизма этих двух принципов в теории Роулза выполняет концепция гипотетически допустимого «исходного положения», определяющая базисную структуру, позволяющую осуще-

ствить второй принцип при соблюдении приоритета первого. Предполагается, что возможно некое исходное положение, в котором все члены общества наделены в равной степени всеми экономическими благами и в то же время свободны в выборе основных принципов дальнейшего устройства общества. Исходная ситуация представляет собой комбинацию взаимной незаинтересованности в том смысле, что любой индивид равно благосклонен к интересам любого другого индивида или просто безразличен к ним. В ситуации исходного положения участники руководствуются правилом максимума, им нет смысла добиваться более выгодного для себя общественного устройства, чем то, которое обеспечивается принятием общих принципов справедливости.

Дж. Роулз отвергает установку Парето, по которой считается справедливым распределение избыточного продукта по произвольному принципу, но лишь с тем ограничением, что не должно ухудшиться положение, ни одного участника процесса (в абсолютном выражении), и при этом должен быть достигнут максимально высокий уровень этого продукта. Роулз выдвигает принцип «помогай самому слабому» и переводит задачу в поиск максимума, где сначала максимизируется продукт в целом, а затем минимизируются оценки отдельных видов продукции, потребление которых обеспечивает участникам процесса ту или иную субъективную полезность [12, с. 87].

Трактовка Дж. Роулзом принципов, лежащих в основе социальной справедливости, представляет несомненный методологический интерес, что подтверждается большим вниманием к его теории со стороны научного сообщества. Многие исследователи вполне обоснованно считают его теорию наиболее разработанной и фундаментальной на сегодняшний день теорией социальной справедливости.

Вместе с тем два положения его теории кажутся нам весьма спорными.

Первое из них касается приоритета базовых свобод перед базовыми благами. Сомнения в данном случае вызывает само понимание свободы, выступающее здесь методологически ключевым. Нам представляется продуктивным подход, предложенный В. В. Балахонским, в соответствии с которым сущность категории «свобода» следует раскрывать через ее соотнесение с категорией «возможность» [4, с. 196–197].

Свобода — это мера возможностей субъекта. Свобода раскрывается лишь в единстве возможностей двух уровней: объективных и субъективных. К первым относятся физические, правовые, материальные, финансовые, политические и т. п. возможности. Отсутствие хотя бы одной из них резко ограничивает степень свободы субъекта и не позволяет применять к нему в полном объеме качественную оценку, выраженную в понятии «свободный».

Субъективные возможности — это способность социального субъекта осмыслить, проанализировать, понять реальные варианты и цели своей деятельности. Данный вид возможностей предполагает наличие следующих достаточных оснований, определяющих выбор социального субъекта: информированности, способности адекватного анализа ситуации и способности преодоления негативных влияний эмоционально-чувственного фактора.

Социальный субъект даже при наличии целого ряда реальных возможностей действия может не осознавать их вследствие недостаточной информированности или собственной неспособности их осмысления. В этом случае реальные возможности как бы перестают существовать для субъекта, он их не воспринимает, хотя объективно они и продолжают оставаться фактором социальной ситуации, но не увеличивают степень его свободы. Элементарный пример, иллюстрирующий это, — существова-

ние юридического закона, предоставляющего человеку определенные возможности действий, и не востребованность этих возможностей человеком при выработке решений вследствие его неинформированности о данном законе.

В этой связи провозглашаемый Дж. Роулзом приоритет базовых свобод перед базовыми благами лишает свободу ее материальных оснований — объективных возможностей. В подобном понимании можно оценить как справедливую и социальную политику государства, которое допускает массовое обнищание собственного населения, оправдывая это ценностями свободы. Но нищий бомж вряд ли может рассматриваться как свободный гражданин, его возможности предельно ограничены, а следовательно, не составляют поле социальной свободы.

Второе спорное положение теории Дж. Роулза состоит в том, что он считает, что институты, вытекающие из второго принципа справедливости, не должны «иметь большого сходства с административным распределением благ». Однако обеспечение социальной справедливости обязательно требует значительного вмешательства государства в экономику.

Развитием основополагающих идей Роулза является концепция социальной справедливости Дж. Стиглица, который, понимая невозможность свободы без ее достаточного материального обеспечения, указывает, что «стремление к счастью, о котором говорится в Декларации независимости США, бессмысленно без некоторого базового уровня дохода» [16, с. 347]. Ценность социальной справедливости он видит в том, что она способствует консолидации общества, в то время как социальная поляризация ведет к подрыву социальной стабильности.

Очень интересной и методологически значимой представляется критика Стиглицем либеральной трактовки принципа ра-

венства возможностей, сформировавшейся еще в XVIII веке и сводящей социальное равенство к юридически провозглашенному, но экономически не гарантированному равенству возможностей индивидов в стихии рыночных отношений. Он справедливо указывает, что подобная трактовка ведет лишь к «перетеканию богатств от бедных к богатым, при этом любой бедный имеет некоторый шанс (весьма маленький) стать богатым» [16, с. 349].

Большое развитие в западной философии получила трактовка социальной справедливости с позиции теории утилитаризма. В рамках этой теории выгода и польза считаются основой нравственности и критерием оценки человеческих поступков. Расцветом утилитаризма стал XX век, и особенно его конец. Основная идея утилитаризма заключается в том, что поведение людей носит исключительно целеориентированный характер. Отсюда возникает принцип оценки явлений, действий, событий, поведения в зависимости от того, насколько они способствуют достижению данной цели или целей индивида. Мерой этого является польза, выгода. Поскольку цель ставится индивидом, утилитаризм получил развитие в качестве одной из фундаментальных основ индивидуализма.

Применительно к проблеме социальной справедливости идею утилитаризма разрабатывали Г. Сиджуик и А. Пигу. Предложенная Сиджуиком формула гласит: «Общество правильно устроено и, следовательно, справедливо, когда его основные институты построены так, чтобы достигнуть наибольшего баланса удовлетворенности для всех индивидуумов этого общества» [14, с. 137].

Предложенный утилитаризмом принцип полезности или выгоды раскрывает отдельные, но не главные аспекты понимания социальной справедливости. Безусловно, социальная справедливость, положенная в основу социальной политики государства,

полезна и выгодна для общества, поскольку способствует его сплочению и прогрессивному развитию. Однако данный принцип перестает работать, когда критерием оценки полезности или выгоды становится эгоистический расчет. В подобной шкале ценностей выгодным могут оказаться и ложь, и обман, и преступление. Поэтому следует четко различать принципы «целеориентированной социальной деятельности» и «ценностноориентированной социальной деятельности», положенные в основу понимания социальной справедливости.

Следует согласиться с мнением А. И. Афанасьевой, которая считает, что «Утилитаризм с самого начала приобрел антигуманную сущность, ибо не только вещи, но и сам человек в нем рассматриваются в качестве средства для достижения пользы. На первый план выдвигается личная польза вопреки общественной, коллективной. Как принцип поведения, утилитаризм требует подчинения всех поступков получению материальной пользы, выгоды, экономическому расчету, т. е. равнозначен узкому практицизму, отрицанию духовных интересов человека» [2, с. 689]. Именно на этом принципе строятся тексты современной рекламы, в которых, как отмечает Л. В. Балахонская, наблюдается замещение духовного материальным; слова и устойчивые словосочетания, обладающие в языке статусом «высокого», наполняются «низким» содержанием: «Философские размышления Гамлета "Быть или не быть?" в рекламе сменяются вполне конкретными вопросами, продиктованными бытовыми, приземленными интересами, связанными с удовлетворением каких-либо материальных потребностей человека» [3, с. 111].

Центральной методологической проблемой теории утилитаризма является вопрос о том, как из множества индивидуальных «полезностей» и «справедливостей» сформировать единую для всего общества полезность или справедливость.

Эту проблему утилитаризм пытается решить путем введения фигуры беспристрастного, рационального и благожелательного наблюдателя. Д. Роулз описывает это следующим образом: «Обладающий идеальной способностью симпатии и воображения беспристрастный наблюдатель выступает в качестве совершенно рационального индивидуума, который отождествляет себя со многими и вбирает опыт других так, как если бы он был его собственным» [12, с. 37]. Тем самым в теории утилитаризма происходит подмена методологических основ: принцип индивидуализма заменяется принципом тоталитаризма.

Особого внимания заслуживает интуитивистский подход к пониманию социальной справедливости, поскольку именно он оказал значительное влияние на практику социальных преобразований в нашей стране в целом и выработку политики социальной работы, в частности.

Методологической основой интуитивистской теории социальной справедливости является интуиция как способ восприятия социальной реальности. Под интуицией в данном случае понимается непосредственное постижение истины без предварительных логических рассуждений. Для данной теории характерно: 1) отрицание значения рационально осмысленных познавательных этических критериев; 2) отрицание возможности решения проблемы приоритета в социальной политике, направленной на реализацию принципа социальной справедливости; 3) косвенное признание существования ценностноориентированных социальных механизмов (интуитивизм вводит их в виде качественных социальных целей: эффективности, полной занятости, выбора между оптимизирующим механизмом распределения национального дохода и полностью эгалитарным распределением).

Третья отмеченная нами особенность теории интуитивизма представляется весьма продуктивной, поскольку отражает

важный аспект сущности социальной справедливости как аттрактора социальной работы общества.

Серьезной проблемой теории интуитивизма, исходящего из невозможности определения четких приоритетов в социальной политике, выступает вопрос выбора между степенью равенства и уровнем благосостояния, осуществляемых по принципу: чем больше одного, тем меньше другого.

Следует отметить, что в реальной экономике связь между неравенством и уровнем благосостояния далеко не однозначна. Большее равенство в зарплате может оказать положительное влияние на выработку командного стиля работы коллектива, на формирование преданности корпорации. Так, чрезмерно высокие оклады высшего менеджмента в период 1990-х гг., выросшие в США в 400 раз, привели к тому, что менеджмент стал больше интересоваться развитием личных накоплений путем осуществления сомнительных коммерческих операций вместо полной концентрации внимания на развитии управляемого им предприятия. В противоположность этому уменьшение разрыва в зарплате между высшим менеджментом и рядовым служащим в японских корпорациях являлось положительным фактором сплочения коллектива корпорации [6, с. 122–139].

Неразрешимая с позиции интуитивизма дихотомия между социальным равенством и ростом благосостояния дает широчайший простор для самых различных толкований.

Так, в гайдаровский период в России в основе идеологической парадигмы лежало утверждение: «чем больше равенства (справедливости), тем ниже темпы роста душевого дохода общества». В результате этого произошел отказ от принципа социальной справедливости при выработке социальной политики государства. Место социальной справедливости занял лозунг всеобщего обогащения. Считалось, что первоначально необходимо создать слой «эф-

фективных предпринимателей», передать им в собственность важнейшие и наиболее доходные экономические активы, принадлежавшие до этого государству, с тем чтобы они впоследствии обеспечили высокий душевой доход и обогатили весь народ. Прошедшие 20 лет показали, что эта концепция была одним из социальных мифов и служила лишь средством идеологического прикрытия криминальных методов обогащения, широко практиковавшихся в то время, и формирования социального слоя олигархов, озабоченных только реализацией собственных корыстных интересов.

Для многих западных концепций социальной справедливости характерно отождествление справедливости с завистью, рассмотрение социальной справедливости как порождения чувства зависти. В современной интерпретации данная идея восходит к теории З. Фрейда, придававшего большое значение зависти, в особенности сексуальной. Другой основополагающей установкой подобной концепции выступает утверждение Ф. Ницше о том, что главное предназначение человечества состоит в порождении великих людей, «сверхчеловеков» (по современной терминологии, сверхбогатых, олигархов), для взращивания которых оно обязано служить лишь питательной почвой, в то время как у них нет никаких обязанностей по отношению к прочим людям.

Эти концептуальные установки логически обосновывают вывод, в соответствии с которым единственной справедливостью является существование сверхбогатых слоев населения, которые рассматриваются как самые лучшие, инициативные и предприимчивые представители общества, а все остальные испытывают чувство зависти, которое трансформируется в требование социальной справедливости.

Мы солидаризируемся с позицией авторов ряда научных работ, в которых обосновывается

прямо противоположное утверждение: справедливость есть состояние, когда никто никому не завидует, в результате чего общество не испытывает социальной напряженности [6, с. 122–139; 6, с. 79–97].

В отечественной философской литературе советского периода социальная справедливость трактовалась на основе изучения процессов стирания социальных различий в социалистическом обществе [15, с. 41–68]. В период «перестройки», охватывающий 1985–1991 годы, появилось большое число научных и публицистических работ, посвященных критике сложившегося социально-экономического и политического устройства общества. Значительное место в них было уделено концептуальной критике социальной справедливости, которая на практике идентифицировалась с уравнильностью.

Авторы этих работ отмечали три основных обстоятельства, которые, наряду с привилегиями номенклатуры, способствовали разрушению представлений о справедливости. Это: 1) сдерживание роста заработной платы и соответственно недоплата работнику за результаты его труда; 2) создание искусственного дефицита рабочей силы; 3) фактическое осуществление уравниловки как заменителя объективных требований распределительных отношений [11, с. 367].

В массовом сознании перестроечного периода социальная справедливость связывалась с более дифференцированным распределением потребительских благ и доходов между различными социальными слоями населения, с возвращением незаконно присвоенного номенклатурой общественного достояния (санаториев, больниц, административных зданий, дачных поселков и т. п.). Однако реальный характер и направленность социальных изменений, тенденция резкого социального расслоения населения адекватно не воспринимались и

не оценивались не только в рамках обычного сознания, но и в значительной части научных исследований того времени.

В результате практического отхода государства от регулирования отношений распределения в России произошел отказ от «социальных гарантий» как одной из важнейших основ социальной работы общества, что означало отступление не только от специфики советского социализма, но и от достижений современного западного общества [18, с. 108–121].

Во второй половине 90-х годов со все большей очевидностью стали проявляться негативные социальные последствия экономических трансформаций в России. Формирование рыночных отношений не может не вести к усилению дифференциации доходов, однако сложившийся в России уровень дифференциации доходов не имеет аналогов в современных развитых странах, включая восточноевропейские, и может оцениваться как беспрецедентный. Как справедливо указывает старший научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН М. М. Назаров, в нашей стране «сейчас существуют как бы «две России», расходящиеся в разные стороны социальные ветви. Они резко отличаются поведением, предпочтениями, ориентациями. Это, наряду с фактическим отсутствием среднего класса, представляет серьезный источник социальной напряженности. По ряду важнейших индикаторов страна оказалась в запредельном положении» [9, с. 43]. В подобной социальной ситуации политика голого экономического прагматизма перестает работать.

Анализ современной западной и российской философской литературы по проблематике социальной справедливости позволяет сделать следующие **выводы**.

1. Значительное внимание в исследованиях уделяется изучению взаимосвязи особенностей восприятия справедливости как

элемента той или иной идеологии и особенностей социума, в которых находится конкретный индивид.

2. При интерпретации социальной справедливости представителями различных групп и слоев населения наблюдается неодинаковая роль факторов идеологического, духовно-культурного и материального порядка. Со снижением уровня благосостояния и увеличением возраста степень принятия уравнилельных трактовок социальной справедливости возрастает.

3. В российской философской литературе фиксируется, что процесс интерпретации социальной справедливости предполагает обращение индивида к сравнениям на двух уровнях: личностном и социальном. На социальном уровне методологически определяющим является сравнительный анализ теорий и практик социальной справедливости советского периода истории и современного.

4. В современных условиях в структуре интерпретаций социальной справедливости наблюдаются несколько ведущих составляющих. С одной стороны, справедливость интерпретируется через обращение к конкретным сферам бытия — к оплате по труду, к различным формам социального обеспечения. С другой стороны, интерпретации справедливости сопряжены с рассмотрением этой категории в рамках двух основных систем политических ценностей либеральной и социалистической.

Мы разделяем позицию, в соответствии с которой социальная справедливость рассматривается как основополагающий принцип жизни общества охватывающий ее нравственные и правовые аспекты, состоящий в аксиологическом осмыслении социально-политических, экономических и идеологических отношений социальных субъектов и основывающийся на социокультурной традиции. Социальная справедливость играет роль одного из главных интегрирующих элементов социума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–644.
2. *Афанасьева А. И.* Утилитаризм // Социологическая энциклопедия: В 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 689.
3. *Балахонская Л. В.* Особенности трансформации прецедентных феноменов в рекламном тексте // Слово. Словарь. Словесность: Материалы научной конференции, посвященной 80-летию проф. С. Г. Ильенко / Отв. ред. В. Д. Черняк. СПб.: САГА, 2004. С. 108–112.
4. *Балахонский В. В.* Свобода и необходимость как категории осмысления исторического процесса // В. В. Балахонский // XXI век: Будущее России в философском измерении. II Российский философский конгресс. Екатеринбург: УрГУ, 1999. Т. 2. Ч. I. С. 196–197.
5. *Гусейнов А. А., Апресян Р. Г.* Этика. М.: Гардарики, 2006.
6. *Ефимов Б. А., Кирута А. Я.* Социальное равновесие, представление социальных равновесий и голосование // Экономика и математические методы. 1998. Т. 34. № 3. С. 122–139.
7. *Ефимов Б. А., Кирута А. Я.* О социальном равновесии и социальной справедливости // Математическое моделирование. 1993. Т. 5. № 12. С. 79–97.
8. История философии права. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД РФ, 1998.
9. *Назаров М. М.* Социальная справедливость: современный российский контекст. М., 1999.
10. *Платон*. Государство // Платон. Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 79–420.
11. *Римашевская Н. М.* Справедливость или равенство? // В человеческом измерении. М., 1989. С. 365–384.
12. *Ролз Д.* Теория справедливости. М., 1995.
13. *Рукавишников В., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения: Международные сравнения. М., 1998.
14. *Сиджуик, Г.* Принципы политической экономии // Мировая экономическая мысль: Сквозь призму веков. В 5 т. М.: Мысль, 2005. Т. 2. С. 134–148.
15. Социалистический образ жизни. М.: Политиздат, 1980.
16. *Стиглиц Дж.* Ревущие девяностые. М., 2005.
17. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983.
18. *Шляпентох В. Э.* Равенство и справедливость в России и США // Социологический журнал. 1998. № 3–4. С. 108–121.

REFERENCES

1. *Aristotel'.* Politika // Aristotel'. Soch.: V 4 t. M.: Mysl', 1983. T. 4. S. 375–644.
2. *Afanas'eva A. I.* Utilitarizm // Sociologicheskaja jenciklopedija: V 2 t. M.: Mysl', 2003. T. 2. S. 689.
3. *Balahonskaja L. V.* Osobennosti transformacii precedentnyh fenomenov v reklamnom tekste // Slovo. Slovar'. Slovesnost': Materialy nauchnoj konferencii, posvjawennoj 80-letiju prof. S. G. Il'enko / Otv. red. V. D. Chernjak. SPb.: SAGA, 2004. S. 108–112.
4. *Balahonskij V. V.* Svoboda i neobhodimost' kak kategorii osmyslenija istoricheskogo processa // XXI vek: Budushee Rossii v filosofskom izmerenii. II Rossijskij filosofskij kongress. T. 2. Ch. I. Ekaterinburg: UrGU, 1999. S. 196–197.
5. *Gusejnov A. A., Apresjan R. G.* Etika. M.: Gardariki, 2006.
6. *Efimov B. A., Kiruta A. Ja.* Social'noe ravnovesie, predstavlenie social'nyh ravnovesij i golosovanie // Ekonomika i matematicheskie metody. 1998. T. 34. № 3. S. 122–139.
7. *Efimov B. A., Kiruta A. Ja.* O social'nom ravnovesii i social'noj spravedlivosti // Matematicheskoe modelirovanie. 1993. T. 5. № 12. S. 79–97.
8. Istorija filosofii prava. SPb.: SPb. un-t MVD RF, 1998.
9. *Nazarov M. M.* Social'naja spravedlivost': sovremennyj rossijskij kontekst. M., 1999.
10. *Platon.* Gosudarstvo // Platon. Sobr. soch.: V 4 t. M.: Mysl', 1994. T. 3. S. 79–420.
11. *Rimashevskaja N. M.* Spravedlivost' ili ravenstvo? // V chelovecheskom izmerenii. M., 1989. S. 365–384.
12. *Rolz D.* Teorija spravedlivosti. M., 1995.

-
13. *Rukavishnikov V., Halman L., Ester P.* Politicheskie kul'tury i social'nye izmenenija: Mezhdunarodnye sravnenija. M., 1998.
14. *Sidzhuik G.* Principy politicheskoj jekonomii // Mirovaja jekonomicheskaja mysl': Skvoz' prizmu vekov. V 5 tt. T. 2. M.: Mysl', 2005. S. 134–148.
15. Socialisticheskij obraz zhizni. M.: Politizdat, 1980.
16. *Stiglic Dzh.* Revuschie devjanostye. M., 2005.
17. Filosofskij enciklopedicheskij slovar' / L. F. Il'ichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1983.
18. *Shljapentoh V. E.* Ravenstvo i spravedlivost' v Rossii i SShA // Sociologicheskij zhurnal. 1998. № 3–4. S. 108–121.